

Юлиан Семенов

Стел
по командир-
овкам

Юлиан Семенов

*Отчет
по командировкам*

•

ЛЕНИЗДАТ • 1986

84.3(2)7

C30

НА СТЫКЕ ТРЕХ ГРАНИЦ

— Итак, вы находитесь на стыке трех границ: Аргентины, Парагвая и Бразилии, в национальном парке Игуасу, возле водопадов, одних из самых гигантских в мире, они — восьмое чудо света, — гид в автобусе говорил заученно, устало.

Жара — 43 градуса. Тропики. Естественная баня, где сеанс парилки начинается в девять утра и кончается в шесть вечера.

— Завтра, второго февраля 1984 года, в 8.30 вы сядете в автобус. Приготовьте фотокамеры, — продолжал гид. — Мы пересечем границу и побываем на другой стороне реки Параны, в Парагвае — городе имени генерала Стресснера. Посмотрим водопады в их наиболее мощном виде и вернемся обратно, в Аргентину. Есть вопросы?

— А можно ознакомиться с национальным парком Игуасу, проехав в вашем автобусе лишь по аргентинской стороне? — спросил я.

Гид удивился:

— Это не настоящий туризм, если вы не посмотрите все, что написано в положении о путешествии по национальному парку Игуасу.

— Да, но я гражданин той страны, которая не поддерживает отношения с режимом Стресснера.

— Если вы не намерены задерживаться в Парагвае более чем на сутки, если вы едете в аргентинском авто-

бусе и являетесь официальным членом моей туристской группы, это не будет нарушением законов и правил. Можете, в конечном счете, ознакомиться с положением, утвержденным тремя странами. Да и я беру на себя всю ответственность.

Что ж, коль нет нарушения правил, буду смотреть водопады Игуасу так, как это положено по здешним законам. И, начав осмотр этого кипящего водопада, растянувшегося на многие километры,— миллионы тонн воды обрушиваются в реку Парана,— я оказался свидетелем рождения гигантской радуги. А ведь радуга — символ счастья. Говорят, что стоит лишь пройти сквозь нее — и радость всегда будет сопутствовать человеку. Но, увы, сколько ни проходит парагваец через эту зыбкую сине-желто-красную арку над водопадами, нет ему счастья. Горе довлеет над его страной, коричневый мрак фашизма.

...В городе, носящем имя парагвайского правителя, раскинушемся на берегу Параны, есть район имени Стресснера, авенида имени Стресснера, улица имени Стресснера, мост имени Стресснера. В городе торчат двенадцать бронзовых бюстов парагвайского гитлеровца — в лентах, эполетах, крестах, бриллиантах, топазах. В городе нет ни библиотек — в общепринятом смысле этого слова, ни книжного магазина (киоски по продаже туристической литературы, прославляющей «страну мира, демократии, тишины и прогресса», не в счет). Зато здесь можно легко купить или продать марихуану и кокаин. Солдаты с автоматами и кинжалами не должны страшить покупателя: все они «в доле». Причем контрабандисты отчисляют процент прибыли не кому-нибудь, а непосредственно сеньору Антонио Одоне Саруби, наместнику диктатора Стресснера, а также губернатору Карлосу Барето Саруби, любимому зятю наместника. И тот, и другой являются совладельцами компании «Такси аэро», создателем которой был генерал Уго Стресснер, сын парагвайского палача. Троица владеет шестью самолетами, осуществляющими рейсы по всей стране, особенно часто в закрытые районы, туда, где живут нацисты, нашедшие приют у Стресснера, — в «колонию Хознау», что на юге страны, в «колонию Чако», возле Боливии (там часто появлялся врач-изувер Менгеле), и в «Педро Хуан Кабальеро», где немецкие и парагвайские нацисты открыли центр по контрабанде марихуаны в страны Латинской Америки, наладив тесные отношения с мафией.

Индустрия торговли наркотиками функционирует здесь отменно: в глухой сельве Парагвая, Перу, Боливии и Бразилии вырублены взлетно-посадочные полосы; приземляются маленькие самолеты, принадлежащие сыну главного парагвайского фашиста и его коллегам; рядом стоит другой такой же самолет, частной авиакомпании из другой страны; перегрузка отлажена — считанные минуты; разлетелись птички в разные стороны, а Интерполу осталось лишь искать ветра в сельве или следов в небе...

Здесь же, в городе имени «президента» Стресснера, который цинично называется «оазисом дружбы и прогресса», можно найти тех, кто отвезет вас в расположенную поблизости колонию «Эсперансито» («Надеждочка»), тридцать километров по красной грунтовой дороге вдоль Параны. Днем в этой «колонии» (так здесь называется поселение в сельве) вы мало кого найдете, конспирация прежде всего: «мирные селяне» работают на фруктовых плантациях. Но по вечерам, — если требуется устранить человека левой ориентации (где бы он ни жил: в Аргентине, Парагвае или Бразилии), конкурента по бизнесу, соперника, домогающегося любви вашей доброй знакомой, — именно здесь заключается сделка с живущими в «колонии» пятью «кровавыми чико» — «кровавыми парнями», верховодит которыми молчаливый, средних лет мафиози, работающий по рецептам сицилийской *cosa nostra*. Деньги на бочку — пятьсот долларов, и ни цента меньше; фирма гарантирует качество; неугодного человека уберут в течение недели; граница через Парану охраняется весьма условно, весла у лодки особые, бесшумные...

Примерно двести пятьдесят долларов будут сразу же внесены на банковские счета Антонио Одонте Саруби и его зятя Карлоса. Остальное разделят между собой «кровавые чико». Все они «по совместительству» — агенты тайной полиции.

...Я оказался на водопадах Игуасу в тот день, когда город Стресснера отмечал свою двадцать седьмую годовщину. На церемонию был приглашен генерал с Тайваня — Лай Минтон. Выступая в парке «имени генералиссимуса Чан Кай-ши», он поздравил жителей города (жители, понятно, были оцеплены рядами солдат и полиции, восторги здесь выражают лишь под дулами автоматов) с тем, что дух братства между «демократическим» Парагваем и «форпостом свободы» на востоке — Тайванем будет укрепляться день ото дня во имя

«борьбы за свободу». И это в Парагвае, где вот уже двадцать семь лет царит военное положение, которое по приказу здешнего министра внутренних дел Сабина А. Монтанаро и шефа секретной полиции Пастора Коронеля «отменяется» лишь в день «самых свободных и демократических выборов» в так называемый конгресс.

Побывать в Парагвае и не купить газеты — такого журналист не простит себе, тем более если в магазинах нет ни одной мало-мальски стоящей парагвайской книги, а туристические справочники дают информацию лишь об условиях проживания в отелях и о ценах на охоту и рыбалку, которые устраивают для иностранцев тщательно проверенные индейцы гуарани. Нет музеев, театров, выставок живописи. Тихо и гулко в стране; одно слово — фашизм.

Я пролистал страницы газеты «АВС». Печаталась информация о том, что Рейган обещает увеличить военную помощь сальвадорским «борцам за демократию», о «прогессе и мире в Чили», о спорте, о раутах в высшем свете. Но вдруг я споткнулся на развороте «Что стало с нацистской иерархией?». Что же могут печатать здесь о нацистах, скрывавшихся от возмездия именно в Парагвае, стране, которая стала для них землей обетованной?

Статья, подписанная неким Хесусом Фернандесом, — весьма любопытный документ подцензурной прессы, в котором говорится о том, что такое ОДЕССа (организация бывших офицеров СС), почему нацизм поддерживали такие финансовые тузы, как бароны Шредер и Тиссен, и каким образом к маю 1945 года нацисты успели заранее создать 142 компании во франкистской Испании, 58 — в Португалии Салазара, 98 — в Аргентине, 233 — в Чили, Уругвае, Венесуэле, Боливии и Эквадоре. (Хесус Фернандес при этом утверждает, что и в Швейцарии нацисты создали 214 своих фирм и корпораций — над такого рода утверждением стоит подумать, допущение любопытное.)

В статье сообщалось, что штандартенфюрер СС Франц Росталь, живущий ныне по паспорту некоего Хадди Саида, развернул коммерческую активность в Испании и Уругвае, опираясь на поддержку Ватикана (дружба с которым была действительно отлажена Мартином Борманом еще в конце 1944 года). Приводились данные о том, что палач концлагеря Треблинка старый эсэсовец Густав-Франц Вагнер был задержан военными властями Бразилии в 1978 году, но через несколько дней

выпущен на свободу. Говорилось об Эйхмане, о Клаусе Барбье, подчеркивалось, что и поныне в Аргентине живут такие нацисты, как Вальтер Кучман (сейчас он пользуется документами на имя Педро Ольмо, работает в западногерманской фирме «Осрам»), палач Риги Эдуард Рошман и чудовище по фамилии Генрих Мунк.

Однако в статье ни слова не говорилось о том, что именно здесь, в Парагвае, бывал изувер Менгеле и что он являлся ближайшим другом «отца нации» Стресснера. Не говорилось, что в Парагвае по сию пору функционируют девять фирм с нацистским капиталом. Не говорилось, что в «немецких колониях», затерявшихся в сельве, скрываются от справедливого возмездия тысячи гитлеровцев. Не говорилось и о том, что самая страшная военная тюрьма «Эсперанса», близ границы с Боливией, построена теми «архитекторами» из СС, которые получили навыки работы в Освенциме и Дахау. Почему же в Парагвае так цепок и живуч фашизм?

В 1923 году после разгрома пивного путча, устроенного бесноватым Адольфом, крысы побежали из Германии: Геринг — в Швецию, Рём — в Боливию, куда он, офицер рейхсвера, был приглашен создать местные воинские формирования. А его адъютантом, переводчиком и доверенным лицом был не кто иной, как лейтенант Стресснер, нынешний «борец за демократию, гуманизм и свободу». Именно тогда, работая бок о бок с Рёмом, молодой лейтенант был завербован и стал активно сотрудничать с НСДАП, СА и СС. Именно тогда он превратился в штатного агента нацистов на юге Америки. Именно от него и через него потянулись незримые нити к тем военным на пылающем континенте, которые и поныне, хотя и одряхлев малость, продолжают оставаться ударной силой империализма.

...Фашисты рекламируют Парагвай как страну «тишины и гармонии». Что касается гармонии — ее нет. Это видно даже после часа пребывания в Парагвае. Один богатый, а тысячи — оборванных и бедных. Что же касается тишины, то все верно. В стране — «тихо». В городе Стресснера 83 процента населения неграмотно. Несмотря на все потуги режима изобразить заботу о здравоохранении, детская смертность очень высока. Царствует террор. С наступлением темноты города и поселки отданы в руки «кровавых чико», которые вершат расправу по подсказке сверху. Над страной — ночь, безысходная и трагичная.

Наши туристы много ездят по миру. Их знакомят с Лувром и «Комише опер», национальными музеями Бу-дапешта и шедеврами Прадо. Однако стоило бы, может, попробовать организовать несколько групп для поездки в Парагвай, чтобы люди воочию увидели бездуховность фашизма, особенно заметную на затемненной улице генералиссимуса Франко или же в тенистых аллеях парка «дружбы имени генералиссимуса Чан Кай-ши» в городе фашиста Стресснера.

Долго ли будет продолжаться эта ночь? Долго ли будут управлять Пиночет и Стресснер? Они обречены, они знают это, потому-то столь кровава практика их государственной политики, практика, цепко отлаженная инструкторами Гитлера...

...Возвращаясь, мы намеревались было проскочить парагвайскую пограничную стражу на мосту «дружбы имени генерала Стресснера», но от группы «горилл», одетых в военную форму североамериканского образца, при каске «а ля вермахт» и с такими же нацистскими кортиками, отделился офицер; он лениво махнул нашему шоферу рукой; автобус притормозил...

«Вот так,— подумал я,— гарантии, туризм и все такое прочее... А как много еще не написано, в каком ты долгу перед читателем, в каком неоплатном долгу, ибо ты обязан отчитаться обо всем, что видел на своем веку, о чем думал, что вынашивал в себе...»

Именно там, на берегу Параны, в томительные секунды, пока парагвайский «горилла» медленно шел к нашему автобусу, я и подумал, что если сейчас пронесет, то, вернувшись домой, обязательно сделаю книгу, которую так и назову: «Отчет по командировкам»...

Япония — Сингапур — Борнео — Австралия

Часть первая

Весна шестьдесят девятого. Лечу в Токио. Это моя вторая командировка в качестве специального корреспондента «Правды». Первая была год назад — в сражающийся Вьетнам.

Правдисты не ограничивали меня узкими темами. «Работай для газеты так, как если бы ты собирал материалы к роману. Человеческие характеры, рассмотренные в условиях конкретных проблем, — так можно определить цель твоей поездки», — напутствовали в редакции. (Не могу без благодарности вспомнить мою первую

«Альма матер» — Институт востоковедения: помимо великоленной и широкой языковой подготовки, институт наш дал своим питомцам широкое «страноведческое» образование, привил постоянную любовь к Востоку.)

В Москве снег, пурга. Мои товарищи завистливо вздыхали:

— Через двенадцать часов ты окажешься в Стране восходящего солнца, будешь загорать, там ведь жарница, весна.

Сосед по самолету, старик японец, после ужина достал из кармана изящную коробочку, открыл ее, надел на глаза черную повязку и стал похож на пирата. В уши он засунул маленькие черные тампончики и отключился таким образом от окружающего мира, от звездного неба, от монотонного рева моторов и сразу же уснул. (Этот «набор тишины» не дорог, продается во всем мире и запатентован в Японии. Борьба с шумом там поставлена на деловые рельсы. Они уже не дискутируют проблему, они уже делают тишину.)

В дорогу я взял с собой книгу Клода Фарера, изданную в Петрограде в начале двадцатых годов.

«Мне не думается, что над Тихим океаном в будущем неизменно будет сиять ясное солнце, — писал Фарер. — Тем хуже для тех, кто вывел Японию из ее векового покоя, она бы добровольно его не нарушила. Если суждено, чтобы Тихий океан стал ареной мировых событий, то в этой международной драме самую победоносную роль, я уверен, сыграет Страна восходящего солнца. Пройдет несколько лет, и Япония не удовольствуется больше третьим местом».

Это писал человек, о книге которого в предисловии к русскому изданию сказано: «Увлечательная и изящная салонная болтовня. Не рекомендую знакомиться с бытом, государственным устройством и историей далеких азиатских стран исключительно по очеркам Фарера. С таким же успехом можно было требовать обстоятельных сведений по ботанике от мотылька, перепархивающего с цветка на цветок».

После полутора месяцев, проведенных в Японии, я убедился, что «мотылек» дал интересную перспективу будущего, «угадав» его пятьдесят лет назад. А это уже приближение к Уэллсу. Видимо, писатель не столько изучает, сколько ощущает проблему другой страны: по таинственной разности языков, по скульптурному, трагическому безмолвию нищего старика на ночной площади, по птичьим голосам девушек ранним утром, по мане-

ре угощать вином, гонять на машине, писать стихи — то есть по приметам несерьезным для политика или ученого, которые выводят перспективу, основываясь на финансовых отчетах крупнейших банков, на персоналиях политических руководителей, устремленности международной и внутренней торговли и на «раскладе» партий на скамьях парламентов и конгрессов.

Писатель угадывает будущее некими «обескоженными» восприятиями.

Я люблю перечитывать Стендаля. Он ведь тоже «обескоженный» политик, ибо он писатель. (Вспоминаю некоторые его предсказания: «Виной всему короли, они своей неловкостью накличат на нас республику». Или же: «Безопасность богачей обуславливается отсутствием отчаяния у бедняков».)

Вылетел я из Москвы ночью, встретил рассвет над Омском и лишь днем прилетел в Токио.

Было облачно, холодно, с моря дул ветер, температура была нулевая. А пальто свое я оставил в Шереметьеве — всезнающие стюардессы уверяли, что я там буду изнывать от жары!

Чиновник таможни минут десять бегал по залу, пытаясь найти коллегу, говорящего по-английски. Нашел. Однако коллега не «говорил», а «бормотал» по-английски. Понять его было невозможно, и мы перешли на язык жестов. («У тебя не будет проблем с языком, — уверял мой знакомый, съездивший в Японию как турист, — каждый второй в Токио знает наизусть Шекспира».) Чиновник, «знавший» английский, ткнул пальцем в блок сигарет и категорически покачал головой.

— Why? — спросил я. — Почему?

— Yes, — решительно ответил чиновник и добавил: — No...

После чего сигареты мои он отобрал. (Через шесть лет я вновь прилетел в Японию и поразился тому, сколь распространенным за эти годы стал английский язык: в ряде школ его изучают с первого класса.)

Аэропорт Ханеда не производит такого оглушающего впечатления, какое производит громадный дворец путешествий — аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке, или маленький, с потушенными фонарями, настороженный, дважды горевший аэропорт Ханоя, или аэропалатка на станции «Северный полюс-8», или отстраненно-гордый своими великолепными пропорциями аэропорт Орли, или одноэтажный уютный домик в центре Памира, в Хорго...

Но когда я въехал на громадный «хайвэй», словно бы отринув аэродром-границу,— вот тогда я был потрясен средоточием трех- и двухэтажных дорог, мощными развязками, взлетами и падениями бетонных плит, по которым с гигантской скоростью неслись стада машин. Они были похожи на диких коней в прериях: такая же слепая, неосознанная, а потому мощная устремленность. Здесь нет преград и светофоров. Движение утверждает себя не столько в быте, сколько в человеческой психологии. Лучшие трассы Японии готовят людей к веку сверхскоростей.

По дороге в центр можно съехать с хайвэя и неожиданно попасть в прошлый век, в старую, деревянную Японию махоньких двухэтажных домиков. Но потом тебя снова неминуемо засосет в какой-нибудь тоннель, ты вырвешься наверх и окажешься на другом хайвэе, и тебя понесет дальше, и покажешься ты себе песчинкой, попавшей в водоворот, и все время будешь ждать — когда же начнется водопад и тебя закрутит, сомнет и швырнет на погибель — вниз...

Два дня ушли на телефонные звонки, короткие «подготовительные» встречи, беседы с коллегами, «обязательные» визиты. (Литературная работа — воспитатель самодисциплины, кровавой, подчас самоуничтожающей: если задумал работу, если решил написать, тогда включается некий внутренний счетчик, неумолимый и жестокий, который не дает покоя ни днем, ни ночью, пока работа не сделана — хотя бы вчерне. Нет у тебя задания редакции — передавать ежедневные репортажи; нет договора на книгу с издательством или на сценарий с киностудией. Есть задумка — она и погоняет, она и не дает тебе покоя.) Я, естественно, представлял, что меня будет интересовать в Японии прежде всего, но намеренно не составлял «железной» программы, ибо тема «Технический прогресс и психология» всеохватна и трудно-программируема. Подчас мы оказываемся пленниками всякого рода программ: «Посмотрите налево, посмотрите направо!» Тогда уж лучше ехать в туристскую поездку — никаких тебе забот, сиди себе в автобусе и верти головой, как птица...

— Глаза, желудок и ноги,— сказал Канеко-сан, ответственный секретарь Комитета содействия переводам и изданиям советских книг в Японии,— это те главные силы, которые помогут вам навсегда запомнить первые токийские вечера.

Мы взяли такси и поехали в Гинзу.

...Было дьявольски красиво: моросил дождь, огромные рекламы опрокидывались в мокрый, полированный асфальт, высвечивались в стеклах и капотах машин, в темных окнах громадных домов и в антрацитовых глазах японцев.

— Думать о будущем надо в прошлом, — улыбнулся Канеко, остановив такси. — Мы же сейчас обязаны жить настоящим. Я хочу, чтобы первым «фактором настоящего» для вас были «суси».

Зашли в маленькую закусочную. Их в Японии называют на французский манер — «бистро». Всё в дереве. Дерево — предмет поклонения японцев. Очень красиво сделаны эти «бистро», очень экономно. Улыбающаяся девушка обязательно принесет целлофановый пакетик. Вы разорвете его и достанете горячую влажную салфетку. Вытрете руки и лицо — гигиена и чистота прежде всего.

Суси — это сырая рыба (или скат, икра, кальмар, осьминог) с рисом и соевым соусом. Рыба только что привезена с рыбного рынка. Это тунец. Вкус трех компонентов — тунец, рис и соя — поразителен. Так же поразителен молодой паренек в крахмальном белом пиджаке, который делает эти суси у вас на глазах. В формочки из нежной рыбьей кожиры кладется красная икра, потом рис. Все это быстро заворачивается, мнется рукой. Рука у паренька стерильна, с оттенком желтой синевы, как у хирурга. Вы загадываете желание (этим надо всегда пользоваться, когда пробуешь новое, неизвестное раньше блюдо), кладете суси в рот и ощущаете, что японская кулинария отнюдь не обжорливое, но высокоинтеллектуальное гурманство.

Канеко-сан предложил съездить в совершенно другой токийский район — в Асакуса. «Здесь, в Гинзе, — буржуа, там — гангстеры». Я попросил его провезти меня в метро. Такси, а тем более в другой стране, есть нечто изолирующее тебя от новых восприятий — своей скоростью, толстыми стеклами и улыбчивым шофером, который не понимает ни единого слова. В метро больше видишь, это некий сгусток впечатлений, особенно после того, как махнул из Европы в крупнейший город не только Азии, но и мира.

Я убежден, что предусмотрительный путешественник два дня на поездки в метро, он бы получил больше впечатлений, чем если бы дотошный гид таскал его по туристским, заезженным маршрутам на автобусе. Туристские

маршруты невольно нивелируют уровни — и гении и праздношатающиеся смотрят одни и те же места.

Японское метро — черно-белое. Это впечатление создают мужчины. Вся Япония носит зимой черные костюмы, черные пальто, черные шляпы, черные кепи. И все черноволосые.

«Черт, — подумал я, — хоть бы один рыжий...» Женщины тоже в основном носят черное. И только вдруг на какой-то станции войдут две девушки в традиционных средневековых кимоно. И сразу же изменятся глаза пожилых японок и японцев, появятся в них нежность, и зависть, и грусть по ушедшим годам, и жалость: раньше кимоно было повсюду, сейчас оно — словно живое лицо на стремительном маскараде масок.

В Асакуса было тихо и пусто. Не было здесь реклам, не было шумной толпы. Неподалеку от метро высился громадный буддийский храм Каннон.

Рынок, через который ведет дорога к храму, воистину громаден. Торговля уже кончилась, двенадцатый час ночи. Владельцы маленьких лавочек — многие из них и живут здесь же — мыли тротуар около дверей жесткими металлическими щетками, а потом протирали насухо тряпкой.

Здесь можно купить все. Здесь выставлены карабины, зонтики, бульдозеры, пистолеты, зажигалки, порнография, мотоциклы, костюмы, кимоно, детские игрушки.

Около храма, в темной тишине, несколько человек истово молились. Они недвижно стояли на коленях перед закрытыми воротами Каннона.

Рядом с храмом — подсвеченный фонтан. Прожектор подчеркивающе высвечивает сложный пульт электроуправления громадным фонтаном, который скрыт под стеклом. Слуги Будды, сверстники технической революции, не хотят конфликта со «временем», они «обегают» технический прогресс, стараясь каждый новый рывок человеческой мысли подчинить догме, а рядом с храмом — улица, на которой показывают так называемые «подпольные фильмы». Здесь и фильмы громадного социального звучания, и порнография.

— Я бы советовал вам, Юлиан-сан, зайти в эти кинотеатры, но только не очень поздно, — сказал Канеко. — В этом районе Токио по вечерам бывать весьма опасно. Посмотрите политические картины, особенно связанные с проблемой Окинавы. Но возвращайтесь в метро не позже десяти часов.

...Заглянули в маленький японский кабачок.

— Все-таки Гинза есть Гинза,— сказал Канеко.— Это, как ни крути, космополитично, потому что закусовая, в которой мы с вами были, хоть и исповедует традиционную кухню, но люди там не снимают ботинок, сидят за баром или стоят, вместо того чтобы устроиться, поджав ноги, на «татами». А мы сейчас вошли в настоящую Японию.

Мы сняли ботинки у входа и сели на белые подушечки, подломив под себя ноги. Нам принесли не просто горячие салфетки в целлофановой упаковке, но особые, пропитанные благовониями,— вытереть лицо и руки. Потом подали зелень и сырую рыбу на большом деревянном блюде, включили газовую горелочку, установили ее на деревянной подставке и предложили нам самим приготовить уху «чири» из рыбы.

Выпили горячее, изумительно вкусное рисовое саке из двадцатиграммовых рюмочек (они были чуть больше наперстка).

Я смотрел на лица людей, окружавших нас. Было шумно, весело. Я вспоминал деда и начинал понимать, почему он так много и с такой увлеченной нежностью рассказывал мне о Японии.

Дед, в частности, говорил, что японцы — самые чистоплотные люди, каких он только видел в жизни. Дед жил в маленькой комнатке с подслеповатым окном, в огромной захламленной старой московской коммунальной квартире с темным коридором, заваленным дровами. Но в своей комнатке он все время, воюя с бабкой Марьей Даниловной, наводил чистоту, вытирал пыль и требовал, чтобы полотенца были крахмальные — «как в Японии». Я думал, что дед, как это бывает с людьми, единожды побывавшими за границей, все несколько утрирует и живет своими представлениями, а не реальностью. (Дед был в Японии в плену в 1905 году и привез оттуда часы Павла Буре — квадратные, серебряные, с барельефом Александра Македонского на крышке. И у него образ Александра Македонского всегда ассоциировался с Японией.)

Только после пятой рюмки саке Канеко, прочитав строки из Омото Табито: «Суемудрых не люблю, пользы нет от них ничуть, лучше с пьяницей побудь, он хотя бы во хмелю может искренне всплакнуть», — спросил, какую бы я хотел организовать программу в Японии. Я начал рассказывать ему свои наметки. Он записывал иероглифами, очень легкими и быстрыми. Я подумал, что японец должен во всем идти от начертания. От сим-

вола — к мысли. Произношение не имеет того значения, какое оно имеет для европейца, который вкладывает в произношение множество нюансов. Поэтому и театр наш так разнится от театра Востока. Когда мы пишем, говорим, мы изображаем звуки. Голос помогает нам выразить чувства. А когда писал Канеко-сан, мне показалось, что он как бы срисовывал свою мысль с натуры.

Рано утром начались звонки. Это «бумеранги» двух первых дней в Токио. Да и Канеко-сан оказался человеком обязательным. Вчера я связался по телефону с моими давнишними знакомцами — журналистами; нас вместе гоняли в бомбоубежище год назад в Ханое. Ребята тоже предлагают интересную программу. Фоторепортер из «Асахи» вместо обязательного приветствия продублировал:

— «И поля и горы — снег тихонько все укрыл... Сразу стало пусто!» Но я приду вечером, и тебе не будет пусто, и мы обговорим план встреч на эту неделю...

Вскоре я был принят послом О. А. Трояновским. Просил его помочь в организации встреч с руководителями газет, телевидения, радио. Потом встретился с профессором экономики университета Васеда. Разговор был интересным. Смысл его сводился к тому, что «обреченному на тотальную политизацию западному миру» японцы противопоставляют «акционерное общество» ста миллионов трудолюбивых производителей, управляемых дюжиной экономических воротил — старцев в скромных куртках, которые диктуют вполголоса свои распоряжения. Политическая власть в Японии заключена в скобки. Она является приводным ремнем между хозяевами фирм и массой избирателей.

Из университета возвращался в отель пешком поздно ночью. Поражает размах строительства. Токио ночью оживает. Как только клерки покидают свои офисы и начинают пустеть улицы, так сразу же на перекрестках появляются лампочки, предупреждающие автомобили о том, что ведутся работы. Приходит огромное количество рабочих в касках, с маленькими микрофончиками в руках. Криков: «Давай, давай!» — нет. Работы радиофицированы. Указания по радио идут от инженера к мастеру, от мастера к рабочим.

Когда смотришь на работающий ночной Токио, на мощный ритм города (в ночи это особенно заметно), убеждаешься лишний раз в неодолимости безликого